

Анатолий Резанович

ОЖИДАНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Рассказ

– Ты хочешь женщину?

Невысокий, полный мужчина, лет сорока с небольшим, одетый в новый тёмно-синий костюм и в такого же цвета длинный плащ с поднятым кверху воротником, спросил серьёзно и недоверчиво. Его круглое мясистое лицо, зажатое под увесистым подбородком тугим узлом полосатого галстука, выражало недовольство.

Худой, небритый, безногий инвалид в байковой рубашке навывпуск, сидящий в коляске, нервно усмехнулся.

– Тебя это удивляет?

– Нет. – Мужчина замялся. – Я просто не думал, что тебе это нужно.

Инвалид нахмурился. Его лицо, – высокий открытый лоб с зачёсанными назад гладкими седеющими волосами, прямой тонкий нос, сочные, говорящие о ещё крепком молодом теле, губы, – налилось кровью. Рваный шрам, начинающийся у левого уха и тянущийся к подбородку, надулся. Казалось, инвалид вот-вот сорвётся: начнёт кричать, требовать к себе внимания. Но нет, он молчал.

– Извини. – Мужчина опустил голову. – Но я действительно не подумал об этом.

– Не подумал? – Инвалид смотрел жёстко и прямо. – Нет, Григорий, ты подумал об этом. Только тебе жаль денег, хотя ты богатый, очень богатый. И всё-таки ты приходишь ко мне. Ко мне, бедному. А почему?.. Объяснение простое. Потому, что я – твоя единственная ниточка, которая связывает тебя с твоим прошлым, ещё относительно чистым и искренним, а значит и с твоей совестью. Оборвётся эта ниточка – и ты погибнешь, пропадёшь, потому что тебя съедят такие же, как ты. А потом... Потом тебе просто приятно сюда приходить, чтобы

чувствовать своё превосходство, чтобы ещё кто-то тебя о чём-то просил. Даже если это друг... Бывший друг.

– Неправда.

– Правда!

– Не надо, Сергей, я прошу, – тихо, с мольбой в голосе, проговорил мужчина. – Я виноват, виноват. Во мне действительно что-то переменялось, ты прав. Но, поверь, я не хочу этой перемены. И ты мне звони, звони, если что. Я приду.

– Хорошо, – устало обронил инвалид, – иди.

В опустевшей однокомнатной квартире, обставленной старой ободранной мебелью, инвалид остался один.

Что делать, если жизнь одного балует, а другого заставляет унижаться и просить милостыню. Каково так жить – не каждый поймёт. А жить надо.

Инвалид, по паспорту Сергей Иванович Логвинович – трудовой книжки у него никогда не было – с силой крутанул колёса коляски и въехал в маленькую кухню. Достал из полупустого холодильника начатую литровую бутылку водки, отпил грамм пятьдесят и уставился в голое, без штор окно. За ним гудела жизнь огромного города с каменным сердцем. В ту и в другую стороны неслись многочисленные автомобили, спешили по своим делам незнакомые прохожие, что-то обсуждали на скамейке во дворе дома доживающие свой век старушки. У всех была своя жизнь, какая-то цель, был смысл, желание продолжения такой жизни, а потому все они куда-то ехали, шли, что-то делали, о чём-то говорили.

Сергею в первые годы своего инвалидства так хотелось влиться в эту бурную человеческую суету, что скажи ему: «Иди к людям, они ждут тебя», – и он прямо на своей инвалидной коляске поскакал бы вниз по лестничному маршу, упал бы в человеческий муравейник и долго лежал бы, вдыхая полной грудью городской, но всё же родной поднебесный воздух, в котором перемешаны дым и гарь, мужской пот и таинственные женские духи. Но его, Сергея, никто не позвал и не позовет. А всё потому, что он – инвалид. А значит, лишний человек среди здоровых, полных сил и стремления выбиться вперёд сограждан, так часто любящих говорить о милосердии, любви к человечеству, но, увы, если среди этого человечества им не приходится иметь дело хотя бы с одним человеком, которого в народе просто и метко называют одним словом – калека.

Сергей отпил ещё, потом ещё и ещё. Пока не напился и не уснул.

Была уже ночь. Сергей проснулся и машинально потянулся рукой к бутылке – мучила жажда, – но в бутылке ничего не было.

– Сука! – ругнулся Сергей. – Сука!..

В пустую бутылку он набрал из-под крана холодной воды, отпил и поехал на своей коляске в зал. Остановился напротив окна, за которым в свете фонарей беспокойно дремал его, Сергея, но в то же время, как будто, не его город. За последние годы он изменился. И не в лучшую сторону. Справа от окна Сергея, в недавно построенном магазине, несмотря на ночное время, шла бойкая торговля; с железнодорожного вокзала, который был недалеко, чуть ли не каждые полчаса слышался монотонный гул приходящих и уходящих поездов; во дворе соседнего дома завывала, сработав, сигнализация припаркованного прямо к подъезду роскошного «Мерседеса»; за стеной, в соседней квартире, что-то гроыхнуло и раздался возмущённый женский голос:

– Уходи!..

«Нет покоя, – хмуро подумал Сергей. – Нет, и не будет».

Тающая ночь ничего нового не принесла. Всё это повторялось уже много, очень много раз.

«Как всё надоело...»

Сергей с тоской глядел сквозь умытое дождём стекло в почти недоступный ему мир. В многоэтажке, что стояла напротив, горело только одно окно. Свет в нём был приглушённый, бордово-красный. Этот свет не просто горел, а медленно разгорался, потом темнел и снова наливался силой. Свет как будто дразнил и звал к себе.

Сергей долго и внимательно всматривался в это окно. Лицо его при этом не менялось. Вначале неподвижное, точно придавленное, оно ожило, стало напряжённым: на лбу заметно обозначились морщины, глаза расширились, в них появился блеск, чём-то напоминающий тот, что бывает у солдат, выполняющих особое боевое задание, или у заядлых охотников во время гона на волков, лис, других опасных хищников.

Не сводя глаз с окна, Сергей отъехал к тумбочке, на которой стоял разбитый чёрно-белый телевизор, оттуда достал большой военный бинокль и навёл его на горящий свет. Источник его, ночной стеклянный светильник, наполненный какой-то густой жидкостью, стоял на подставке у большой широкой

кровати. На ней, едва прикрывшись тонким одеялом, спала молодая пара – он и она.

Он, раскинувшись, обняв правой рукой её тонкую талию, лежал на животе. Она – отвернувшись к стене и поджав колени, словно обидевшись на своего то ли сожителя, то ли мужа.

Через линзы бинокля Сергей перебрал светлые густые волосы молодой женщины, погладил её нежную, белую спину, задышал чаще, глядя ниже...

– Так, так... – Вены на шее Сергея взбухли, выступил пот. – Хорошо.

Чувствуя страшное возбуждение, Сергей резко опустил бинокль на отрезанные по колена ноги, заскрежетал зубами.

«Не могу...»

Сбросив на пол бинокль, он с силой крутанул правое колесо коляски и быстро покатил к входной двери.

На воздух.

На лестничной площадке отдавало прохладой и сыростью. В открытую входную дверь дома задувал поднявшийся ветер.

Сергей, с трудом прикурив сигарету, с облегчённым вздохом выпустил первую затяжку и, откинув голову назад, закрыл глаза: хотелось отвлечься, забыть виденную только что украдкой картину плотского бытия. Но чернота, покрывавшая глаза, не была продолжительной. Она стала светлеть, краснеть и уже через минуту превратилась в тот горящий бордово-красный свет соседнего окна, за которым свободно отдыхал он и бесстыдно-вызывающе лежала она: два человека, соединённые незримой и сладкой тайной. Видение было вороватым, стыдливо-приятным и несколько раздражающим: с этой красивой женщиной был не он, Сергей...

Думая об этом, он даже забыл о сигарете. Сергей, наверное, вспоминая и мучаясь от увиденного, уснул бы здесь, на лестничной площадке, но неожиданный звон разбитого стекла и громкий резкий женский крик «Дурак!», где-то на пятом или шестом этаже, встряхнул его сознание. Сергей разлепил глаза и прислушался.

Сверху к нему шумно спускались по лестничным маршам молодые, судя по быстрым шагам, люди. Он наверняка был обут в кроссовки, которые опускались на бетонные ступеньки резко и шершаво, а она – в туфлях, с мягким стуком каблучков. Когда парень с девушкой поравнялись с Сергеем, он тут же прижался коляской к стене.

«Так и есть...»

Молодые люди, не ожидавшие увидеть инвалида, да ещё одного, ночью, переглянулись и, неуверенно обходя коляску, замешкались.

«Выпившие», – сразу же определил Сергей, глядя на высокого небритого парня в очках, на которые спадали светло-рыжие жирные волосы и на девушку – среднего роста, стройную, со вздёрнутым носом под большими, густо накрашенными глазами и короткой жёсткой причёской цвета переспелой сливы. Одеты были молодые люди в потёртые джинсы и такие же куртки с закатанными чуть ли не по локоть рукавами.

– Добро-ой ночи, – заикаясь, поздоровался парень.

– Здравствуйте, – едва слышно выдавила из себя девушка и виновато улыбнулась.

Не отвечая на приветствия, Сергей хмуро поинтересовался:

– Есть проблемы?

– А ты что, помо-ожешь? – с вызовом спросил парень.

– Успокойся, – одёрнула его девушка.

Сергею начинал не нравиться этот разговор. Лицо его побледнело. Рваный шрам стал толстеть. Но он все же ответил:

– Чем могу – помогу.

– На бу-утылку дашь? – выдохнул парень.

Он слегка покачивался и на инвалида смотрел не мигая. Его заросшее редкой щетиной лицо покрылось красными пятнами.

– Дам. – Сергей почувствовал, как во рту стала скапливаться и густеть слюна. Он с трудом сглотнул. Пересохшее горло ожило. – Дам, но с условием: ты, паренёк, бежишь в ночной магазин, а мы с девушкой пойдём ко мне. У меня, когда придёшь, и выпьем.

Парень, посмотрев на девушку, пожал плечами.

– Хорошо.

Инвалид вынул из нагрудного кармана рубашки десятидолларовую купюру и сунул её в руки парня.

– Иди. А ты, – обратился Сергей к девушке, – двигай за мной.

В квартире Сергея девушка почувствовала себя несколько смущённо. Он тоже ощутил неловкость. Чтобы сгладить обстановку, нарочито весело предложил:

– А давайте перед праздником душ познакомимся. Я – Сергей.

– А я Настя, – просто назвалась гостя. – В вашей квартире курить можно?

Сергею не нравилось, когда женщины, а тем более девушки, курят. Но это была не его девушка, и указывать он ей не мог, а потому кивнул:

– Курите.

– Спасибо, – поблагодарила она

– Не стойте, садитесь. – Сергей указал на кресло, стоявшее возле окна. – Теперь я буду смотреть не в окно, а на вас.

– Вы любите глядеть в окно? – Девушка смотрела на Сергея с интересом. – Любопытно.

– Люблю, – серьёзно признался он. – И часто смотрю, наблюдаю.

– Что именно?

Гостья выпустила клуб густого дыма и, как показалось Сергею, посмотрела на него насмешливо: девушка чувствовала, что хозяин этой бедной, почти нищей квартиры что-то скрывает, говорит загадками, но понять смысл этого не могла.

– А зачем вам это? – спросила она и улыбнулась.

– Зачем? – Сергей начал заводитьсь: нервы его в последнее время сдавали всё чаще и чаще. Даже по пустякам. С минуты три-четыре он сидел, раздумывая, что ответить. И вдруг, резко – внутри что-то оборвалось и с гортанным шумом пошло вниз – подался вперёд, с болью выдохнул: – Затем, что я хочу увидеть вашу, человеческую жизнь, которой у меня нет. Нет!.. Я хочу быть участником в этой жизни, а не её наблюдателем. Я, калека, тоже хочу жить. Понимаешь?..

Девушка, перестав курить, молчала: она не знала, что ответить и как себя вести дальше.

Сергей, устало опустив голову, тоже замолчал. Потом схватился за горло, стал его растирать, оставляя на коже рваные, красные следы.

Гостья, не ожидавшая такой быстрой перемены настроения хозяина квартиры, испуганно подхватилась.

– Я пойду.

Сергей медленно поднял голову. В глазах его было столько боли, что, казалось, он вот-вот закричит опять. Но он только и сказал:

– Извините, нервы.

Девушка, как будто её застали за чем-то нехорошим, опустилась в кресло. В квартире установилось молчание, которое затянулось.

– Я всё-таки пойду.

Гостья опять поднялась.

Сергей ничего не сказал. Желваки на его напряжённом, красном лице ходили ходуном. Девушка, глядя на него с жалостью, с минуту постояла и быстро вышла. Он же невидяще уставился в стоящую напротив окна его квартиры многоэтажку. Она была тёмной и угрюмой. Бордово-красный цвет, ещё только час назад горевший в единственном окне, погас. Дом как будто умер и уже начал растворяться в ночной темени, зловеще кружась пропадающими останками над всем городом и даже миром.

«Жалко, что моя квартира не на верхнем этаже, – мрачно подумал Сергей, – Можно было бы открыть окно и – пропадай оно всё пропадом...»

С тяжёлым чувством он подъехал к окну, открыл, посмотрел вниз. В двух метрах чернела земля – жил Сергей на первом этаже. Над землёй дрожала лёгкая прозрачная дымка тумана. Он едва заметно то поднимался, то опускался. «Дышит», – определил Сергей и ему стало немного легче: в ночном мраке тоже была жизнь. Слабая, почти незаметная, но жизнь.

Под утро, не раздеваясь, Сергей бессильно повалился на кровать и уснул. Он спал крепко, до самого обеда. Когда же проснулся, жаркое летнее солнце стояло уже высоко. Оно выжигало асфальт и бетонно-кирпичные стены городских застроек, выгоняло накопившуюся за ночь прохладу из полутёмных подъездов и даже подвалов. От этой жары в квартире было сухо и душно.

Сергей облизал потрескавшиеся губы и, неуклюже схватившись обеими руками за матрац, поднялся. Посидев немного, наклонился вперёд-назад, вправо влево – размял позвоночник.

После постельной зарядки с трудом переполз в свою инвалидную коляску. Подъехав к окну, раскрыл его. В лицо тут же ударил горячий воздух.

«Нагрелся, однако», – вспомнил Сергей отцовские слова.

Когда-то в детстве он любил ездить с родителями на дачу – маленький участок размером в шесть соток с домиком в садово-огородном товариществе с символическим названием «Надежда». По утрам именно он, Сергей, открывал окно дачного домика и подолгу, с удивлением и восхищением, любовался многообразием окружающего мира. Этот мир вмещал в себя широкую, яркую, но простую картину сельского и в то же время полугородского, милого и близкого человеческой

природе быта. В нём грядки, засаженные картошкой, помидорами, огурцами и подсолнухами, соседствовали с аккуратно сложенной поленницей ольховых и берёзовых дров. Чуть дальше стояла высокая вишня, на которую регулярно забирался котёнок, после чего жалобно мяукал, прося снять его с дерева. А главное – в соседних дачных домиках отдыхали добрые и внимательные соседи, с которыми было интересно и весело говорить обо всём, что интересовало.

Дачное окно было открыто весь день и закрывалось только поздним вечером, когда в дом начинала проникать прохлада, а с ней тучно летели в гости жирные комары. Именно через это окно маленький Сергей наблюдал за окружающей и практически всегда мирной жизнью. Но не только. Он потихоньку учился у этой жизни, перенимая её незлобивую и доступную мудрость.

Мог ли Сергей тогда подумать, что всего лишь через каких-то десятков лет, а это даже по человеческим меркам мизер, окно для него станет проводником в мир, который ограничивается небольшим, в основном заасфальтированным двором, стоящими в нём чужими автомобилями, многочисленными, но почти неизвестными, проходящими мимо людьми, да высокой многоэтажкой, стоящей напротив, из-за которой – одна радость – по утрам всходит солнце.

Вспомнил Сергей прошлое, глянул на своё настоящее – отрезанные ноги – и опять ему стало так горько, больно и одиноко, что захотелось закричать: «Помогите мне, люди!» Но он не закричал. Сидел в своей инвалидной коляске и всё глядел в окно, в котором проплывали и исчезали детские картинки, а вместо них настырно лезла в глаза настоящая и жестокая действительность, в которой почти не было места утешению и жалости.

– Ты-ы чего си-идишь?.. Чего?

Голос Сергею показался знакомым. Он пригляделся. Так и есть – ночной знакомый. Он стоял перед окном и, поблёскивая на солнце круглыми профессорскими очками, насмешливо смотрел на Сергея.

– А ты почему ночью не принёс бутылку? – хмуро спросил Сергей.

– Дак На-астю по дороге встретил, с ней и выпили, – откровенно признался парень. – Я сейчас, по-одожди, принесу.

Быстро повернувшись, он направился к магазину.

– Зовут-то тебя как! – вдогонку закричал Сергей. – Опять уйдёшь, ищи тебя тогда.

– Ди-има, – обернувшись, ответил парень и добавил: – Студент я, студент...

Через полчаса они сидели у Сергея и пили водку – что было делать безработному инвалиду и проспавшему начало занятий студенту?.. С закуски на столе лежала нарезанная толстыми кусками варёная колбаса, солянка и хлеб.

– Где но-оги-то по-отерял?

Парень кивнул на короткие культяпы хозяина квартиры.

Сергей, исподлобья глянув на своего гостя, выпил, прикусил. Помолчав, хмуро заметил:

– Тебе этого лучше не знать.

– Не хо-очешь, не го-овори. – Парень пожал плечами и потянулся к бутылке. – Мне чужие тайны не нужны.

– Не много тебе выпивки будет? – Сергею не хотелось ни самому напиваться, ни кому-то позволить в своей квартире напиться. – Молодой ещё водку пить.

– Ты-ы чего? – Парень обиделся. – Я не сла-абак. Это с виду хилый. А та-ак – ого.

– Ну, давай, ого. – Сергей иронично усмехнулся. – Я посмотрю.

После очередного стакана парень здорово опьянел и с трудом шевелил языком.

– Подруга твоя где? – поинтересовался Сергей.

Ему захотелось увидеть девушку, ещё раз извиниться за то, что сорвался ночью, нагрубил. Он почувствовал желание просто пообщаться, как говорят, за жизнь, узнать то, чего он не знал о современной молодёжи, рассказать о том, что думал и чего хотел. Словом, захотелось просто поговорить. Только без выпивки, по-трезвому.

– По-онрави-илась? – еле выговорил парень.

– Не знаю ещё. – Сергей выдавил улыбку: все вопросы, которые касались женщин, для него, инвалида, были мучительными. – Да и тебя это не должно заботить.

– По-онятно.

Парень нагнулся и чуть не свалился со стула. От падения его спасла стена, о которую он опёрся плечом. Закрыв глаза, парень стал засыпать.

– Ты чего?

Сергей подъехал к гостю. Парень очнулся, неестественно выпрямился и, почти застыв в этой позе, проговорил:

– Ты-ы за-аплати ей, и о-она при-идёт.

Неприятна догадка кольнула Сергея. Налив себе, он выпил, зажевал спиртное колбасой.

– Она что, проститутка? – спросил он, боясь услышать утвердительный ответ.

Парень, часто мигая, долго смотрел на Сергея. Наконец, выдавил из себя:

– Не-ет. Детдо-омо-овская она. Ня-аней в бо-ольнице работает. Де-энег нет, по-одраба-атывает – уха-аживает за-а такими, ка-ак ты. За-а то-обой то-оже может при-ысмотреть.

– Ясно. – Сергей облегчённо вздохнул. Ему стало жалко девушку, но ещё больше жалко себя. – Ты не пей лучше, – обратился он к парню. – Тебе водка не идёт. Давай, ложись на диван, спи.

Парень, шатаясь, послушно прилёг и тут же уснул.

Сергей подъехал к окну, резко и широко раздвинул шторы: на стёкла капал крупный редкий дождь. Капли, размывая прилепившуюся пыль, медленно стекали по стеклу. Казалось, что кто-то невидимый, заглядывая в квартиру, тихо плачет.

Вечером Сергей задремал. В какое-то мгновение он почувствовал, что его кто-то гладит по голове.

«Мама...»

Сергей улыбнулся. Она, поглаживая, поднимала его с постели. Радостный, он открыл глаза. Но рядом никого не было. Только над неубранным столом низко кружился комар, да хрипло сопел в смятую подушку спавший парень.

К горлу Сергея подкатил противный застарелый ком. Дёрнулось и застучало глухо и часто сердце. Дышать стало тяжело. Сергей поднял голову, с силой провёл по горлу пальцами и быстро подъехал к столу. Вылив в стакан остатки водки, выпил залпом. Через какое-то время на душе полегчало, сердце отпустило. Но тяжесть в горле всё ещё оставалась. Набухший шрам зачесался и стал твердеть. Сергей схватился за него, зажал в кулаке, с силой оттянул уродливую кожу, которую, если бы мог, то вырвал бы и выбросил в окно. Отпустил, когда почувствовал противную, жгучую боль.

«Проклятье...»

Ему захотелось остаться одному, чтобы никого не видеть, и чтобы никто его не видел. Даже мельком, случайно: как и любой инвалид, он боялся показать кому-либо свою слабость.

Сергей разбудил ещё не протрезвевшего и не совсем понимающего, что происходит, парня, и не церемонясь, ничего не объясняя, грубо проводил его к двери.

– Иди домой, иди.

Оставшись один, он долго и безучастно смотрел в окно.

Над многоэтажными бетонно-каменными громадами блекло горел бордово-красный закат. Жизнь в городе замирала. Тень от чёрных крыльев приближающейся ночи уже надвигалась на улицы, выбирала места во дворах и лепилась к аркам спаренных домов-близнецов.

«Опять», – с болью подумал Сергей.

Опять наступала бессонная, похожая на предыдущие, ничего хорошего и нового не обещающая старая подруга – ночь.

«Хоть бы с кем поговорить», подумал Сергей: ни физически, ни морально он не мог больше быть один. Загнанно повёл глазами по своему неубранному холостяцкому жилищу. Наткнувшись на телефон, решил: «Позвоню».

Когда становилось невмоготу от одиночества, Сергей набирал номер «Службы доверия» и отводил душу откровенными и ни к чему не обязывающими ни его, ни того, с кем говорил, разговорами о своей нелёгкой доле. И в этот раз, набрав знакомый номер, несколько смущённо, но смело – за ним ведь никто не наблюдает – поздоровался.

– Добрый вечер, – тут же услышал в ответ приятный женский голос. – Что у вас?

– Душа болит.

Сергей невесело усмехнулся.

– Не у вас одного, – успокоила его женщина. Расслабьтесь, почитайте что-нибудь, или посмотрите телевизор.

– Разбил я телевизор, – раздражённо обронил Сергей.

– Тогда сходите к соседям или позовите их к себе, – посоветовала женщина.

– Понятно...

Сергей положил трубку: говорить больше было не о чём, да и не имело смысла. Всё, что сказала бы из «Службы доверия» эта, наверное, добрая и милая женщина, он знал. И говорил с ней потому, что для любого человека, а тем более, если он калека, разговор необходим. Ему же сегодня хотелось

большого – живого, а не телефонного общения и искреннего участия, понимания и хоть маленького, но утешения.

Сергею хотелось хоть кому-нибудь рассказать о своей одинокой и никому, как ему казалось, уже не нужной жизни. Хотелось, чтобы хоть кто-нибудь увидел в нём живого человека, успокоил и согрел его покалеченную душу.

Несколько раз нервно проехавшись взад-вперёд по комнате, Сергей остановился у окна и стал смотреть во двор. За окном уже было совсем темно. Кутаясь в прозрачную дымку, горели фонари. В многоэтажке, что высилась напротив, светились чуть ли не все окна. И среди них горело знакомое окно бордово-красным светом.

«Как там?..»

Сергей взял бинокль, навёл на это притягивающее его окно. «Интересно...»

На кровати одиноко сидела молодая женщина и читала книгу. Её густые волосы рассыпались по халату, одна нога которого небрежно съехала на пол и оголила круглую, длинную, белую ногу. Над небрежно завязанным поясом, с расстёгнутым воротом, набухала полуоткрытая грудь.

Сергей опустил бинокль, невольно глянул на свои культи и чуть не заплакал: он – инвалид. И никогда не выйдет из своей квартиры, не нагонит на улице эту женщину и не познакомится с ней.

От несправедливости этой жизни, сознания своей ущербности, внутри у него всё дрожало. Чтобы успокоиться, Сергей взял газету, оставленную ушедшим домой парнем, лихорадочно стал листать. На предпоследней рекламной странице нашёл рубрику «Послания для мужчин». Прочитал: «Симпатичная, красивая телом и душой, приятная в общении женщина, познакомится с мужчиной не младше сорока лет».

Чувствуя, как в голове, а также по его обрезанным конечностям пошло тепло, Сергей взял телефонную трубку и набрал указанный номер.

– Слушаю.

Вежливый голос был приятен.

– Вы можете ко мне приехать? – не спросил, а скорее попросил Сергей, с трудом унимая дрожь.

– Конечно, – многообещающе проговорила женщина. – Двадцать пять долларов в час.

Это было для него, нигде не работающего, получающего мизерную пенсию инвалида, многовато, но Сергей согласился: его смертельно уставшее тело требовало разрядки.

– Приезжайте, только знаете... – Он на минуту замялся. – Я инвалид.

На другом конце провода установилось молчание. Эта пауза длилась секунд пятнадцать-двадцать, после чего женщина поинтересовалась:

– А что за инвалидность?

– Нет ног, – коротко и несколько грубо ответил Сергей.

– Тогда... Впрочем, я уже сказала сколько за час...

Вежливый и мягкий голос в трубке практически не изменился: женщина готова была ехать.

– Приезжайте, – почти с мольбой проговорил Сергей и сообщил свой адрес. – Только, если можно, через час.

Бросив трубку, он вытер выступивший на лбу пот, достал из кармана рубашки деньги, оставленные ему Георгием, пересчитал: девяносто долларов – всё, что у него было.

Сергей больше суток не мылся. От него разило потом и перегаром. На давно не стиранной, измятой рубашке темнело жирное пятно. Надо было срочно приводить себя в порядок, а заодно прибраться квартиру.

«Вначале в ванную», – решил он.

Через минут сорок, вымывшись, выбрившись и переодевшись, Сергей сидел за убраным, застеленным чистой скатертью столом и ждал. Время текло медленно, точно замерзшая солярка из его некогда старенького армейского бэтээра, которую они, солдаты-срочники, продавали местным жителям высокогорных сёл, где не было заправок, за вино или мутную, противную чачу.

Сергей глянул в окно. Оно было неприветливым. В открытую форточку стучался дождь, который в последнюю неделю частенько начинался неожиданно, едва небо темнело, быстро проходил и вскоре опять одаривал город своим появлением...

«Скоро, попомните, конец света», – вспомнил Сергей слова соседки, бабки Нади – сухой, пригнутой к земле старухи, которая иногда выходила во двор и, ковыляя у окна, говорила о своём нелегком бытии со знакомыми ей такими же древними старухами. Вспомнил и усмехнулся: хорошее настроение вернулось к нему, как этот дождь. Надолго ли оно?.. Пока он не знал.

В дверь несмело постучали. Сергей отъехал от стола, напругся.

– Входите.

На пороге выросла высокая стройная женщина с изящной чёрной сумочкой и объёмистым бумажным пакетом в руках.

– Здравствуйте. – Она мило улыбнулась и тут же поправила сказанное приветствие: – Вернее, доброй ночи.

Сергей застыл: перед ним стояла та самая женщина, за которой он наблюдал из бинокля.

– Вы? – растерянно произнёс он, не зная, радоваться или возмущаться: женщина, которую он тайно от неё желал – проститутка.

Женщина, не понимая, в чём дело, перестала улыбаться и с оттенком холода спросила:

– Вы звонили по объявлению?

Сергей покраснел: ему стало неловко и стыдно за своё суждение – по какому праву? – о женщине, которую он видел вот так близко в первый раз.

– Да, да, проходите, раздевайтесь, – засуетившись, пригласил он.

Подъехав к женщине, Сергей сразу же почувствовал исходящий от неё сладкий и томный запах. Сознание его сразу же притупилось и недавние дурные мысли мгновенно испарились. Он взял пакет, поставил его на диван и, наблюдая, как гостя медленно, артистически снимает белый роскошный плащ, предложил:

– Повесьте его в шкаф.

– Хорошо. – Женщина опять мило улыбнулась. – А разуться можно?

Сергей только сейчас увидел, что женщина стоит в мокрых остроносых туфлях на тонких длинных каблуках, из которых поднимаются округло-полные, стройные ноги, едва прикрытые короткой кожаной чёрной юбкой. Над ней, полуоткрыв упругий красивый живот, поднимается край огненно-красной кофточки, под которой подрагивает высокая грудь.

Сергей отведя взгляд – больше не мог смотреть, сглотнул полузасохшую липкую слюну

– Ну, будем знакомиться. – Женщина подошла к Сергею. – Ирина.

– Сергей. – Он суетливо и несмело протянул ей руку и, задержав её ладонь в своей ладони, добавил: – Ко мне редко кто заходит.

– Ко мне тоже.

Гостья невесело усмехнулась.

– Не верится.

Сергей покрутил головой.

– Это правда. – Женщина вздохнула. – Но так было не всегда.

– Значит, ваша жизнь была другой, – с облегчением проговорил Сергей, так как, глядя через бинокль в квартиру этой женщины, видел то, что не хотел видеть.

– Да, другой.

– А когда?

– Мне обязательно рассказывать?

– Нет, конечно... Но мне хочется знать.

– Ладно... Моя жизнь была другой, когда я работала в Италии, – объяснила женщина. – Участвовала в показах модной одежды фирмы «Прада».

– Так вы модель?

Остро почувствовав свою физическую неполноценность, Сергей сжался, словно увидел, что его вот-вот ударят.

– Бывшая, – грустно обронила женщина. – Не будем вспоминать старое. Тем более, что в нём осталось немало хорошего и полезного. Вы удивитесь, но именно в Италии мои работодатели научили меня видеть красоту. А она не только в ярких красках, но и в чёрных, тёмно-синих, серых... Главное, чтобы всё было в меру, гармонично. Понимаете?

– Да.

– Поужинаем? – предложила гостья.

Сергей вспомнил, что у него в холодильнике, кроме сырого мяса и нескольких куриных яиц, ничего нет. Он растерялся. Женщина заметила это, поняла его замешательство и, добродушно улыбнувшись, просто сказала:

– Я всё принесла.

Она достала сыр, кусок порезанной, завёрнутой в целлофан ветчины, масло, белый хлеб, два лимона и бутылку бренди.

– Рюмки, нож есть?

– Да. – Сергей торопливо кивнул. – На кухне.

Чего-чего, а того, что незнакомая ему женщина явится к нему с ужином, он не ожидал, как, впрочем, не ожидал, что она к нему вообще когда-либо придёт в гости. Когда она, аккуратно и умело нарезав хлеб, сыр, сделала бутерброды, Сергей с надеждой спросил:

– Вы одна живёте?

Женщина внимательно посмотрела на хозяина квартиры, которого видела в первый раз.

– Вам это интересно?

Сергей не знал, что ответить. Он не хотел показывать своё излишнее любопытство, но вместе с тем ему интересно было знать об этой женщине как можно больше.

Гостья, не дожидаясь ответа, рассказала больше, чем ждал Сергей.

– У меня когда-то был муж. Итальянец. По профессии – модельер. Он погиб в автомобильной катастрофе – разбился. Теперь я живу одна. Но не всегда. Вы ведь тоже не совсем одиноки. Правда?

Сергей промолчал: сказать на это было нечего – всё было так. Он взял бутылку, открыл, осторожно разлил бренди и, подняв свою рюмку, предложил:

– Давайте, Ира, выпьем за встречу.

Он смотрел в её глубокие, открытые глаза, желая в эту минуту только одного – понравиться ей. Хоть немного, чуть-чуть.

– Давайте. – Женщина подняла рюмку. – А ведь мы с вами в чём-то похожи. Да?

– Наверное...

Выпив, замолчали.

– Может ещё? – предложил Сергей.

– Можно и без этого, – грустно улыбнувшись, проронила женщина.

Она встала, обошла коляску, на которой сидел Сергей. Постояв несколько секунд, вдруг обняла его сзади и, нежно положив свою руку под расстёгнутую рубашку на грудь Сергея, прижалась головой к его щеке, поцеловала в шею.

Сергей напрягся. Кульпячки его дрогнули. Шрам вздулся и побелел.

– У нас, наверное, мало времени, – прошептала женщина.

Сергей, сжав зубы, закрыл глаз. На какое-то мгновение ему показалось, что пол в квартире одним концом стал подниматься и он на своей инвалидной коляске, разгоняясь, понёсся вниз, в бездонную, горящую внутри багрово-красным цветом пропасть.

– Так должно было случиться, – уходя под утро, сказала Ирина.

– Да, – удовлетворённо и устало согласился Сергей.

Он был счастлив. Но уже через минуту, увидев, как женщина одевается, обеспокоенно спросил:

– Ты придёшь ещё?

– Если позовёшь, – несколько кокетливо и загадочно ответила она. В конце концов, мы ещё молоды и впереди у нас целая жизнь. Правда?

– Наверное. – Сергей приподнялся. – Спасибо тебе.

– Пока.

– До встречи...

Он впервые за несколько последних ночей отдыхал не в инвалидной коляске, а на своей кровати. Это было так хорошо и удобно, что больше уже ничего не хотелось. Да и могло ли быть что-то большее, чем эта ночь, отдавшая ему ещё вчера незнакомую, недоступную, чужую женщину. Её, здоровую и молодую, с ним – калекой...

Вспоминая так быстро прошедшую ночь, Сергей как будто опять прикасался к Ирине, ласкал её податливое тело, слушал – неважно какие и о чём – её слова, вдыхал исходивший от постели запах её духов, смешанных с запахом её молодого и сильного тела, физически чувствовал оставленные ею на его губах её поцелуи.

«За что такое счастье?..»

В этом состоянии Сергей лежал долго, пока, вконец обессиленный, не уснул. Проспав остаток ночи и следующие полдня, он проснулся только к обеду. Но не сразу: полуразлепил сонные глаза, повернул привычно голову к окну. Луч солнечного света, проникший в комнату между штор, в ту же секунду ударил Сергею в глаза. Это было так неожиданно, что он, в страхе, инстинктивно качнулся в сторону, замер: ему на мгновение показалось, что он увидел блеснувший прицел снайпера, который целился в его голову.

Прошла минута, другая, третья. Сергей, наконец, очнулся.

«Что за наваждение? – тревожно подумал он. – К чему?..»

Сунув руки под одеяло, Сергей вдавливая пальцы в кожу, повёл ими по голым культикам – больно.

«Война, будь она проклята...»

Боль вернула его к реальности! Надо было вставать, готовить себе завтрак: кашу с варёным яйцом, чай – самое простое.

Сергей поднялся, кое-как оделся и, оседлав свою коляску, с неохотой раздвинул тяжёлые шторы. Комнату тут же залил яркий свет. В его прозрачном, насыщенном утренней свежестью

потоке, мерцали красноватые, притягивающие к себе оттенки вышедшего из-за стоящей напротив многоэтажки утреннего солнца.

«А всё-таки хорошо жить, – возбуждённо подумал Сергей, – даже калекой...»

– При-ивет! – услышал Сергей, приникая к окну.

Он растёр глаза, взгляделся. Прямо перед окном стоял очкастый парень и его подруга – Настя. Оба – в тех же потёртых джинсах, куртках, рубашках навывпуск, свисающих из-под этих курток.

– Зайти мо-ожно? – спросил парень.

– У меня нет ничего выпить, – предупредил Сергей.

– А мы-ы с утра не-э пьём, – громко сообщил очкастый знакомый и выразительно посмотрел на свою подругу. – Во-от вечером – э-это другое дело.

– Ладно, – согласился Сергей, – заходите.

– Да-а я один зайду.

Парень направился к двери. Не заходя в квартиру, сунул в руки Сергея сложенный вчетверо листок из общей тетради.

– Ту-ут телефо-оны... Мой и На-асти. Зво-они, если что-о.

– Да мне ничего не надо.

Сергей попытался вернуть листок парню, но он не взял.

– Бери. Ты-ы мужик хоро-оший. – Парень был настойчивым. – Мы-ы всегда по-оможем. Бесплатно.

– Ну-у... – Сергей, давно отвыкший от внимания малознакомых ему людей, не знал, что и ответить. – Спасибо.

– Звони, – ещё раз сказал парень и, повернувшись, побежал вниз к ожидавшей его подруге.

Сергей опять остался один в пустой квартире. С одной стороны у него появились новые хорошие знакомые, даже друзья, а с другой – их вроде и не было. Не было потому, что не они нуждались в нём, а он нуждался в них, не они приглашали его в гости, а он просил зайти к нему, не они были одиноки, а он, он...

В какой-то момент нервы Сергея опасно напряглись, и ему захотелось закричать от своей обделённости и обездоленности. Эти чувства жили в нём давно, с тех самых пор, когда он, очнувшись в военном госпитале, не увидел своих ног. Сергей тогда ещё не понял случившегося несчастья, а уже увидел слёзы молоденькой медсестры и тяжёлый, жёсткий взгляд старого подполковника – военного хирурга.

«Проклятье!..»

Сколько раз повторял про себя Сергей это слово. И почти всегда начинал думать о самом страшном, греховном –

наложить на себя руки. Но в этот раз он был достаточно далёк от этой мысли: последние дни и особенно последняя ночь изменили его жизнь.

«Может, мне жениться? – неожиданно подумал Сергей. – На Ире. Ведь она сказала: «Впереди у нас целая жизнь. Целая...»

Он ухватился за эту мысль. «Ире я нужен, а мне нужна она. Я достану деньги: Георгий даст, даст...»

Сергей подъехал к окну и с надеждой стал смотреть в окно стоящей напротив многоэтажки. В ней жила женщина, без которой он уже не представлял свою дальнейшую жизнь.

Минул ещё один день и улетела ещё одна ночь, а Сергею показалось, что прошла целая вечность. Он почти не спал и не ел, а думал об одном и том же: «Я женюсь, имею право. Ведь я жив, жив...» В то же время Сергей сомневался, что его решение правильное: у него не было работы, денег, а самое страшное – он был калека.

После мучительных и долгих раздумий, разрывающих мозг, душу и сердце, Сергей всё же решил испытать судьбу.

«Была не была. Разве же это впервой?..»

Долго сидел у телефона, пока набрал знакомый номер.

– Георгий, это я, – Сергей говорил сдавленно, волнуясь. – Приезжай ко мне. Только прошу тебя, сейчас.

Через минут двадцать к подъезду «хрущёвки», в последнем подъезде которой жил Сергей, подъехал роскошный новый джип. Молодой крепкий парень с неподдающимися расчёске короткими густыми вихрами, сидевший на переднем сиденье, выскочил и открыл заднюю дверь. Из машины вывалился широкий здоровяк. Его синий костюм под солнцем блестел.

– Здорово, – помахал из окна приезжему Сергей. – Дверь открыта, заходи.

Мужчина, внимательно поглядев по сторонам, вошёл в дом. Переступив порог квартиры, поздоровался с её хозяином за руку.

– Ну, что случилось?

Сергей, не зная с чего начать разговор, молчал. Мужчина достал из кармана сигареты, закурил.

– Деньги, Георгий, нужны, – пряча глаза, глухо проговорил Сергей.

– Сколько и для чего? – деловито поинтересовался мужчина.

– Не знаю. – Сергей взял сигареты, несколько раз чиркнул спичкой, пока зажёт, прикурил. – Жениться я хочу.

– М-да... Это серьёзно?

Мужчина уставился на Сергея. Это его разозлило, вывело из себя: нервы, которые он держал последние сутки в кулаке, лопнули.

– Ты что же думаешь, я не могу жениться, я никому не нужен? – с шипящим придыханием спросил Сергей.

– Ты на меня не наступай, – тоже разозлился мужчина. – Меня этим не возьмёшь. А потом я вправе задавать тебе вопросы, касающиеся того, куда и на что пойдут мои деньги.

Лицо Сергея налилось кровью, по его культикам прошла судорога.

– А я тебя, Георгий, ни о чём не спрашивал, когда в горах своим телом от душманской гранаты спасал. – Голос Сергея дрожал. – И про награды, а тем более про твои деньги, которые ты уже там, торгуя марихуаной, начал зарабатывать, не думал.

– Не надо, – выдохнул мужчина. – Я просто привык считать деньги. Прости.

Сергей, насупившись, молчал.

– Сколько надо? – ещё раз спросил мужчина и, не дожидаясь, вынул из кармана портмоне, отсчитал десять стодолларовых купюр, положил на стол. Это на свадебную одежду, кольца и другую мелочь. Остальное – когда распишетесь. Свадьбу сделаем, квартиру твою приведём в порядок.

Сергей стал оттаивать.

– Спасибо, мне только на свадьбу, больше не надо.

– Не переживай. – Мужчина участливо и виновато улыбнулся. – И не думай обо мне так плохо. Ещё неизвестно, где лучше: здесь, одному в твоей квартире, или там, за твоим окном, среди разных, очень разных людей. И таких, как ты, и таких, как я, и таких, как мы вместе.

Он обнял Сергея, похлопал по плечу.

– Держись.

– Держусь.

Сергей закрыл глаза: внутри у него стало вдруг так тяжело и опустошённо, что уже ничего не хотелось. Только спать.

Выспавшись, Сергей успокоился, пришёл в себя и, странное дело, ещё больше, чем прежде, почувствовал своё одиночество и захотел связать свою неприкаемую жизнь с женщиной, которая не просто подарила ему ночь любви, но и показала родство их душ. А значит, подтвердила родство с окружающим миром, в котором он имел своё личное право на счастье.

То самое право, которое он обрёл когда-то в детстве, а потом так нелепо и жестоко потерял.

Сергей осторожно взял трубку, медленно, боясь ошибиться, набрал номер Ирины. Послышались гудки. Они были длинными, очень длинными. Наконец, трубку подняли и вежливый знакомый голос ответил:

– Я слушаю вас.

Сергей от радости закричал:

– Ира, это я, Сергей. Приходи ко мне, приходи!..

Женщина молчала. Потом, то ли с раздражением, то ли с озабоченностью, ответила:

– Хорошо, жди.

И положила трубку.

Сергей почувствовал что-то неладное, но времени на раздумья не было. Он лихорадочно стал прибираться. Объезжая диван, зацепился и упал с коляски. «Дурная примета», – подумал он. Но опять же не придавал этому значения. Сжав зубы, уцепился за диван и с трудом влез на коляску, подъехал к окну и стал ждать.

Прошло полчаса, час, полтора. Разум подсказывал ему, что Ирина не придёт, но его душа отказывалась в это верить. Душа надеялась и ждала.

«Наверное, что-то случилось», – подумал Сергей.

Отъехав от окна, он достал с тумбочки бинокль и навёл его на окно Ирины. Женщина была не одна. Она сидела с каким-то мужчиной за столом. Они выпивали и о чём-то говорили. Сергей, в нервном припадке, с силой запустил в окно бинокль. Он тяжело и глухо бухнулся об асфальт, увлекая за собой осколки битого стекла.

С улицы донёсся визжащий голос какой-то женщины:

– С ума посходили, пьяницы проклятые!..

Сергей заскрежетал зубами, заметался на коляске по комнате. Когда пришёл немного в себя, вспомнил парня в очках, позвонил:

– Приходи срочно.

Парень пришёл быстро.

– Ну-у?

Сергей указал на окно женщины.

– Сходи, позови... Её зовут Ириной. Скажи, у меня есть деньги. Если она хочет, то можно поехать в Италию.

– За-ачем?

– Это наше дело. Ты скажи ей.

– Хо-орошо.

Парень медлил.

– Иди, – попросил Сергей, – пожалуйста. И по дороге купи что выпить. – Вот деньги...

Парень ушёл. Сергей стал ждать. Он не знал, что будет говорить и о чём, если придёт Ирина. Но ему хотелось сказать много, очень много. Быть может, обо всей своей жизни и о жизни вообще. Но ничего говорить ему не пришлось: парень вскоре вернулся. Он был один. С пакетом. Сергей всё понял. Только и сказал:

– Наливай.

– Она мне не открыла, – словно в оправдание, произнёс парень.

– Наливай, – повторил Сергей.

Они молча пили, не закусывая. Парень быстро опьянел, свалился на диван и уснул. Сергей, уставившись в разбитое окно, нервно засмеялся: всё, к чему он, наконец, пришёл в жизни, растаяло, как очередная ночь. Не осталось даже надежды: он был одиноким калекой. А женщина, которую он хотел любить, не могла быть его...

Сергей это вдруг так ясно понял и даже представил себя и её в этом мире, что старая, уже заржавевшая мысль наложить на себя руки, так резко шевельнулась и заскрипела в его мозгу, что заглушила все остальные мысли и чувства

Медленно, но целенаправленно Сергей подъехал к окну и, обдирая в кровь руки о разбитые осколки стекла, открыл раму. Уцепившись за подоконник, он стал влезать в окно. Лез тяжело и долго. Наконец, грудь его перевалилась на улицу и Сергей, в последний раз потянув к себе подоконник, полетел к чёрной, свежевскопанной земле.

Он не слышал, как кто-то истошно вопил:

– Смотрите, смотрите, инвалид падает

– Да помогите же ему! – кричал кто-то другой.

– Господи, прости нас грешных, – запричитала бабка Надя. – Что же это делается?..

Когда Сергей очнулся, то увидел, что вокруг стоят люди. Много людей: соседи, случайные прохожие. И среди них была Ирина. Она плакала...

Жизнь Сергея в этот короткий миг заканчивалась и продолжалась одновременно. Для одной-единственной женщины, которую он так долго и мучительно ждал.